

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'23

DOI: 10.30982/2077-5911-2019-40-2-30-40

ФАКТ СОЗНАНИЯ И КОММУНИКАТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ: КРАТКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ¹

Вдовиченко Андрей Викторович

Ведущий научный сотрудник ИЯз РАН;

109004 Москва, Б. Кисловский пер., 1

профессор ПСТГУ;

115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая д. 23Б;

anlvdo@mail.ru

В статье приводится описание эксперимента («Удар локтем. Различие фактов сознания и коммуникации»). На основании полученных данных рассматривается соотношение акта сознания и знакового (вербального) процесса. Попытки объяснения действий испытуемых с признанием вербального основания когнитивной деятельности ведут к противоречиям и концептуальным несостыковкам: приходится признавать, что испытуемые не понимают (или понимают слишком медленно) то, что непосредственно наблюдают; являются носителями различных «русских языков»; приостанавливают мыслительный процесс, когда не говорят, и пр. Наоборот, принципиальное разделение работы сознания и коммуникативного (семиотического) процесса составляет единственное условие корректной интерпретации естественных вербальных данных. Если мыслительный процесс протекает без слов (без семиотического воздействия), то естественный вербальный процесс на стадии реализации сохраняет весьма косвенную связь с исходным когнитивным состоянием коммуниканта, как физическое открывание двери представляет собой уже лишь последствие обдумывания открывания двери, то есть нечто принципиально иное. Тем более, естественный когнитивный процесс не может строиться как вербальная последовательность, подобно тому, как обдумывание открывания двери не может быть самим открыванием.

Ключевые слова: сознание, когниция, естественный вербальный процесс, соотношения мысли и слова, эксперимент, вербальные клише, коммуникативная модель, семиотический поступок, когнитивное состояние

Введение

В качестве цели написания данной статьи автор рассматривает возможность предъявить результаты небольшого эксперимента-наблюдения («Удар локтем. Различие фактов сознания и коммуникации»), который был проведен им в октябре 2018 г. среди участников исследовательской группы, работающей по проекту РФ «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели».

¹ Статья подготовлена в Институте языкознания РАН при поддержке РФ, грант № 17-18-01642 «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели».

Обсуждение полученных результатов носит предварительный характер и, скорее, имеет значение задела для дальнейшего более подробного выяснения того, с использованием *каких терминов и теоретических объектов* описывать обнаруживаемое (намеченное в эксперименте) *соотношение деятельности сознания*, с одной стороны, и *коммуникативных процедур*, с другой.

Вместе с тем, как показал опыт работы исследовательской группы [Журавлев, Журавлева 2017; Журавлев 2009; Вдовиченко, Тарасов 2017; Тарасов 2018; Вдовиченко 2009; 2016; 2016а; 2018; Степанова 2017 и др.], затрагиваемый вопрос соотношения имеет кардинальное значение для разработки модели (в нашем случае – *коммуникативной* модели) вербального процесса, и поэтому любая исследовательская работа в области вербальных данных («языка») и/или сознания предполагает принятие по этому вопросу *какой-то определенной обоснованной позиции*.

Так, не одно и то же – рассматривать деятельность сознания («мысль») тесно связанной с вербальными данными, видя в «языке» источник смыслообразования (как бы последнее ни понимать), – и считать вербальные клише инструментами действия исключительно в коммуникативном пространстве, связанными с деятельностью сознания весьма косвенной связью, не имеющими собственного тождества и не способными производить смыслообразование [о значимости этого вопроса см.: Журавлев 2018].

На этом фоне нужно заметить, что проведенный эксперимент вносит свой вклад в *обсуждение и установление главных ориентиров* любого лингвистического и филологического исследования – *источников смыслообразования в вербальных данных*, со всеми вытекающими отсюда теоретическими и практическими следствиями.

Связь с предыдущим экспериментом

Эксперимент в краткой форме демонстрирует результаты, которые в определенном отношении повторяют те, что были получены при проведении другого, более развернутого по времени и числу событий, эксперимента [см. Вдовиченко 2018]. В предыдущем случае испытуемым было предложено просмотреть и интерпретировать видеосюжет, в котором они могли наблюдать видеонарратив без слов, но с действующими персонажами. События «немного фильма» (известный видеонарратив У. Чейфа «Мальчик, похищающий груши») условно рассматривались экспериментатором как примеры *несемиотических* действий, которые, несмотря на отсутствие знаков («слов»), интерпретировались и понимались испытуемыми. *Семиотическое* действие в пространстве чейфовского видеонарратива возникает только один раз и представляет собой «свист», который столь же легко и без усилий был понят испытуемыми как конкретный коммуникативный поступок, несмотря на полную невозможность ответить на заданный им до просмотра фильма вопрос «Что означает свист? Какое значение имеет свист?».

Главным выводом по итогам эксперимента предлагалось считать принципиальную возможность *интерпретировать и понимать действие*, независимо от того, какое оно – коммуникативное вербальное (за пределами данного эксперимента), коммуникативное невербальное («свист» мальчика в видеонарративе) или некоммуникативное, *несемиотическое* (собираание или похищение груш в видеонарративе, падение с велосипеда и пр.) [Вдовиченко 2018].

В новом, представленном здесь, эксперименте испытуемые сами были вовлечены не только в интерпретацию, но и в порождение семиотических и *несемиотических*

действий, что рассматривалось и фиксировалось экспериментатором как основной объект исследовательского интереса.

Описание эксперимента

В эксперименте в качестве испытуемых принимали участие коллеги, работающие в исследовательской группе проекта (8 человек), а также трое коллег-волонтеров.

В индивидуальном общении экспериментатора и испытуемого («тет-а-тет») каждому испытуемому предлагалось сразу после фиксации внимания на поведении экспериментатора наблюдать за его действиями.

Затем, после совершенного экспериментатором невербального, (псевдо)некоммуникативного поступка («удар локтем о край стола и демонстрация боли выражением лица, растиранием ушибленного локтя и втягиванием воздуха сквозь зубы»), каждый испытуемый, насколько возможно быстро, должен был засвидетельствовать свое понимание того, что произошло.

Чтобы продемонстрировать результат своего восприятия увиденных действий экспериментатора, испытуемый должен был закончить однотипное, предлагаемое всем, высказывание, которое описывало данный поступок. Процедура состояла в следующем:

Сразу после совершения действия (удар локтя о край стола и пр.), экспериментатором проговаривалось незаконченное предложение «Он ударился локтем и _____». Испытуемый должен был заполнить пропуск в данном предложении, описывающем увиденный им поступок. Испытуемому оставалось добавить одно или несколько слов в уже имеющееся высказывание.

Ответы испытуемых (как, впрочем, и быстрота их реакции) фиксировались в письменной форме, а также на видеокамеру, и впоследствии анализировались.

Данные, полученные в ходе эксперимента

В ходе эксперимента были получены следующие *данные* для дальнейшей интерпретации:

1. Все испытуемые исполнили поставленную задачу, то есть закончили предложение, посредством которого описывалось увиденное действие; некоторые из них (шесть человек) дали по несколько вариантов описания.

2. Время реакции на предложенный стимул (реакция обнаруживалась в виде произнесения слов, которые каждый добавлял в озвученное экспериментатором предложение, описывающее увиденное испытуемым действие) варьировалось между испытуемыми и составляло от 1-й до 15-и секунд (в среднем 4-5 секунд) от момента озвучивания предложения-описания («Он ударился локтем и _____») до произнесения своего варианта восполнения пропуска.

3. Вербальные клише, использованные для описания действия, последовавшего за ударом локтя о край стола, в основном, тоже варьировались: «втянул воздух через зубы», «почувствовал боль» (2 раза), «зашипел», «застонал», «ошутил пронзительную боль», «скорчился от боли», «вздрогнул от боли», «вдохнул воздух», «обнаружил реакцию на боль».

Краткая интерпретация полученных данных

Для нашей цели, которая состоит в *определении соотношения факта сознания (понимания произошедшего) и говорения вербальных клише* в естественных услови-

ях, значимыми представляются приведенные ниже взаимосвязи и выводы. Одновременно при *интерпретации данных* производится попытка ввести некоторые понятия и теоретические объекты, пригодные для эффективного описания соотношения факта сознания и факта коммуникации. События, происходящие в рамках эксперимента, представляются достаточно простыми и очевидными, что позволяет минимизировать двусмысленность и казуистичность при их интерпретации.

(1) Исполняя задачу завершить описание увиденного (заполнить пропуск в предложенном варианте описания), ни один из испытуемых *не обнаружил непонимания действия*, которое произвел экспериментатор. Каждый испытуемый, с легкостью исполняя ранее полученную просьбу экспериментатора, *по умолчанию свидетельствовал* о том, что произошедшее на его глазах событие было для него совершенно понятным. Никто из испытуемых не задавал уточняющих или недоуменных вопросов. Можно с полной уверенностью заключить, что действие экспериментатора, то есть переживание боли после удара локтем о стол (не важно, считать ли данное действие коммуникативным или некоммуникативным), понимается испытуемыми, *несмотря на отсутствие внешних словесных пояснений* со стороны кого бы то ни было.

(2) Временной лаг, возникающий между озвучиванием предложения-неполного описания (что делал экспериментатор) и озвучиванием варианта завершения описания (что делал испытуемый), свидетельствует о *наличии некоторого количества времени*, потраченного испытуемыми *на подбор вербальных клише* для исполнения требуемой от них коммуникативной задачи – завершить описание только что увиденного. При этом подбор вербальных клише осуществлялся в соответствии с *уже имеющимся пониманием* того, что произошло. Невозможно утверждать, что понимание происходящего наступало в момент, когда испытуемый произносил вербальное клише, описывающее только что увиденное. Можно, наоборот, с уверенностью утверждать, что *поиск вербального клише* (длвшийся от 1-й до 15-и секунд в каждом отдельном случае) определялся и направлялся *ранее возникшим пониманием* («мыслью», «фактом сознания») того, что произошло, и что это *понимание* («мысль», «факт сознания») – ввиду наличия определенного времени и усилий, потраченных на поиск словесного коммуникативного клише, – было *невербальным: понимание поступка экспериментатора не было автоматически связанным у испытуемых с каким-то вербальным комплексом*. Именно поэтому произнесенный ими вербальный комплекс был отделен от акта сознания значительным промежутком времени (от 1-й до 15 секунд).

(3) Значительная вариативность ответов, описывающих увиденное (произведенное экспериментатором) действие, *нельзя рассматривать как свидетельство кардинального различия пониманий* действий экспериментатора различными испытуемыми.

Более подробная интерпретация полученных данных

Действие, которое экспериментатор производил напоказ во всех случаях (удар локтем правой руки о край стола и последующая характерная реакция в виде втягивания воздуха через зубы, с изображением переживания боли на лице и массажем ушибленного места), было выбрано им специально для того, чтобы *осложнить исполнение коммуникативной задачи*, поставленной перед испытуемыми и состоявшей в том, чтобы предъявить свидетельства понимания, ответить на просьбу экспериментатора, давая описание того, что произошло.

Дело в том, что, в отличие, скажем, от английской коммуникативной типологии, где подобному действию – втягиванию воздуха через зубы от характерной боли – условно соответствует (насколько нам известно) *отдельное коммуникативное клише* («to suck one's teeth»), в русской коммуникативной типологии отдельное клише (типа «втянуть воздух сквозь зубы», «засосать воздух через зубы») фактически отсутствует, употребляется редко, выглядит не вполне устойчивым и конвенциональным.

Иными словами, испытуемые были изначально поставлены в такие условия, когда описать увиденное действие было непросто ввиду отсутствия у них сформировавшейся привычки вовлекать данное действие («втягивание воздуха через зубы от боли») в вербальные коммуникативные интеракции. Данное действие – всегда вынужденное, входящее в состав единого комплекса действий (почувствовать боль и втянуть воздух, обжечься и втянуть воздух и пр.). Оно редко становится самостоятельным объектом внимания, редко попадает в коммуникативный фокус, поэтому его вовлечение в коммуникацию посредством каких-то вербальных клише не обладает достаточным автоматизмом у большинства носителей (русской) коммуникативной типологии (так называемого «языка»).

Таким образом, если попытаться реализовать крайнюю «языковую логику» в интерпретации данного эпизода, то по необходимости нужно было бы констатировать следующее.

Если говорящие по-русски мыслят словами (имеют «языковое мышление»), и в их родном «языке» вербальное клише для названия данного действия отсутствует (или мало используется), то само действие – «втягивание воздуха сквозь зубы от боли» – должно было остаться русскоговорящими испытуемыми (большинством из них) непонятым, не доступным их сознанию.

В таком случае, фактическая, констатированная в эксперименте, *вариативность описаний*, как будто подтверждает «строгую языковую логику»: из одиннадцати испытуемых только трое в своих реакциях-описаниях отразили факт «вынужденного движения воздуха через рот и/или зубы» вследствие испытанной боли («втянул воздух через зубы», «защипел», «вдохнул воздух»). Получается, что большинство испытуемых (8 человек) не смогли понять происходящее вследствие незнания «нужных слов» и возникающей, как следствие из этого, *неспособности представить данный факт собственному сознанию*, – тем более *постороннему*, напр., сознанию экспериментатора [ср.: Журавлев 2017].

Воссоздадим еще несколько последствий «языковой» интерпретации, усугубляющих *абсурдность* применения «языковой логики» для объяснения данного эпизода.

Так, на основании статистики, «царицы лингвистических доказательств», русскоговорящие (из категории «с высшим образованием») в массе (приблизительно в соотношении 4 к 1-му) *не понимают*, что человек, который ударился локтем о край стола и испытывает характерную боль, втягивает при этом воздух сквозь зубы: 8 человек из 11-ти, согласно их вербальным свидетельствам, не обнаружили не только понимание, но и сам факт видения этого события («почувствовал боль» (2 раза), «застонал», «ощутил пронзительную боль», «скорчился от боли», «вздрогнул от боли», «обнаружил реакцию на боль»).

На основании все той же экспериментально подтвержденной статистики можно заключить, что испытуемые являются «носителями» различных «русских языков», если об одном и том же событии они пытаются говорить по-разному («различными словами»), а, значит, и думать по-разному («различными словами»).

Наконец, «словесная мысль» испытуемых оказалась, мало того что неточной и неправильной в большинстве случаев, но еще и ощутимо замедленной, подозрительно «заторможенной»: от просьбы-предложения «Он ударился локтем и _____» до обнаружения «словесной мысли» проходило от 1 до 15 секунд, плюс время, прошедшее с момента самого демонстративного действия экспериментатора. Если считать «мысль» об увиденном вербальной, то такая «мысль» возникла только в момент появления языкового клише с лагом от 1 до 15 секунд, оказавшись значительно удаленной во времени от стимула (демонстративного действия экспериментатора). А в таком случае, получается, что испытуемый, ища слова, тем самым как будто искал способ понять происходящее, и, найдя слова, достиг, наконец, искомого понимания – «сформировал мысль об увиденном».

При этом, если бы кто-то из испытуемых решил по каким-то причинам вообще ничего не говорить, то в таком случае следовало бы вовсе констатировать остановку мыслительного процесса, ввиду очевидного отсутствия вербального процесса.

Итак, обвинять ли большинство русскоязычных участников эксперимента (из категории «с высшим образованием») в том, что они не понимают, что происходит в момент, когда человек ударяется локтем о край стола и, испытывая боль, втягивает воздух сквозь зубы, – попутно выражая страдание на лице и потирая ушибленный локоть? Следует ли утверждать, что скорость их мыслительных операций по пониманию увиденного поступка равна промежутку времени, прошедшему с момента увиденного события до произнесения вербальных клише? Нужно ли констатировать отсутствие работы сознания в тот промежуток, когда оно еще не дало «команды на производство звуков речевым органам»? Настолько ли различно понимание происходящего между испытуемыми, насколько различны произнесенные испытуемыми вербальные комплексы?

Избавиться от этих недоумений, возникающих при попытках навязать вербальный компонент акту сознания (восприятию удара локтя о стол и переживаемой боли), удастся только в том случае, если *принципиально разделить деятельность сознания и коммуникативную (семиотическую) деятельность*, реализуемую со словами или иными знаками.

Эти деятельности обладают различными «приодами». Работа сознания не может быть словесной, поскольку любой внешний знак (в том числе вербальный) нужен обладателю сознания только для того, чтобы стать частью коммуникативной – акциональной, «воздействующей», совершительной – процедуры.

Производить воздействие на собственное сознание теми же способами, что и на постороннее сознание, означало бы для коммуниканта впасть в своего рода когнитивное раздвоение, ментальную схизму: если в случае воздействия на *постороннее* сознание коммуникант планирует произвести в нем изменения, заведомо предполагая привнести что-то новое в сферу чужого сознания, добиться изменений в нем, то в случае *воздействия на себя самого* ему сначала придется целенаправленно лишиться самосознания и тождества, признать себя не равным себе (сойти с ума) и только после этого привнести в эту сферу, мыслимую теперь чуждой, какую-то новизну (изменение) производимыми знаками («словами»).

По-видимому, все же можно считать аксиомой, что анекдот («Кому пишешь письмо?» – «Себе» – «О чем?» – «Не знаю, еще не получал») остается анекдотом, а не отражением состояния дел в области когниции и знаковой (в т.ч. вербальной) деятельности.

На этом фоне интерпретация того, что происходило с участниками эксперимента, получает адекватное объяснение только при условии снятия (упразднения) языкового мысле-словного подхода, или «языковой модели» как таковой.

Поскольку *думать* (строить планы, анализировать ситуацию, констатировать свойства и объекты, принимать решения, формировать актуальные множества, и пр.), с одной стороны, и *совершать семиотический поступок* (воздействовать на представимое постороннее сознание во всегда комплексной ситуации комплексом средств, в том числе словами), с другой, – принципиально различные виды деятельности (состоящие из действий различного вида и имеющие различные цели), то испытуемые в ходе эксперимента, *когда понимали, не говорили (не использовали слова), а когда говорили, уже давно все поняли*. Подобно тому, как обдумывание открывания двери – это не само открывание двери, а физическое открывание двери – уже не обдумывание данного действия.

Так, участник эксперимента в момент, когда экспериментатор совершил «действии напоказ» (ушибленный локоть и демонстрация боли, со втягиванием воздуха через зубы), без труда осознавал происходящее без каких-либо внутренних знаков. Ему было достаточно увиденных действий, которые он, благодаря интериоризации (эмпатии) и вообще «отсчитыванию от себя» способен понимать.

В момент, когда экспериментатор произнес неполную вербальную формулу, как бы описывая часть события и вызывая к завершению описания («Он ударился локтем и _____»), испытуемый включался в размышление (долгое или краткое) не о том, какое событие произошло, и уж тем более, не искал слова, чтобы это событие понять, а принимался за поиски того, *какое вербальное клише подобрать для исполнения коммуникативной задачи*, которую он принял на себе, согласившись участвовать в эксперименте. В частности, как «аутентичный носитель лингвокультурного опыта», он пытался вспомнить соответствующую коммуникативную типологию для «этого», уже понятного ему без слов, «которое» ему только предстояло вовлечь в коммуникативное действие (последнее состояло в том, чтобы дать понять экспериментатору, что он, испытуемый, понимает, что произошло, и позитивно взаимодействует с экспериментатором и пр.).

Над организацией коммуникативного воздействия (а не над пониманием события) испытуемым пришлось потрудиться от 1 до 15 секунд. Для тех, кто планировал ответить про «воздух сквозь зубы» (хоть это было не единственное, что потенциально извлекалось из большой целостной непротиворечивой картинки, запечатленной в сознании каждого), процесс был осложнен нечастотностью и непривычностью такой коммуникативной синтагмы. Но понимания того, что произошло (как человек ударяется локтем о стол; откуда воздух сквозь зубы; почему боль и пр.), процесс планирования и организации коммуникации никак не затрагивал. В результате, итоговый семиотический поступок с участием слов ощутимо отстал от «невербальной работы сознания» (факта сознания): *сначала – понимание действия, а уже потом, многим позднее, планирование и организация семиотического действия (что заняло от 1-й до 15-ти секунд) на основе свершившегося без слов факта понимания (факта сознания)*.

Здесь же стоит отметить – снова вопреки языковой модели – принципиальную нетождественность вербального клише («слова») вне конкретного коммуникативного воздействия, – что также отразилось на ходе эксперимента и действиях испытуемых.

Так, использованные большинством участников вербальные клише, в которых не упоминается «воздух» и сам процесс его «перекачивания сквозь зубы», как будто не могут претендовать на исчерпывающее описание ситуации. Однако цель коммуникативного действия состоит не в использовании «правильных» вербальных клише, а в эффективном воздействии на постороннее сознание. В сознании всех участников эксперимента (в том числе экспериментатора) событие с локтем и воздухом присутствовали уже до того, как об этом нужно было сказать (описать, реализовать коммуникативную задачу). Для того чтобы указать на эту реальность, испытуемым было достаточно воспользоваться, например, просто словом «это», или «то, что все мы видели», или «то, что он сделал *вот так* (с показом и подражанием)». Или употребить несколько странные для внешнего наблюдателя клише «передернулся от боли», «зашипел», «вздрогнул». В этих не вполне «адекватных» клише испытуемый передавал нечто известное и без этих слов, что само по себе снимало с испытуемого ответственность за «неточность семиотических указателей»: он все равно указывал на «только что увиденное и очевидное всем». Поэтому просить описать только что показанное – было изначально несколько искусственной задачей, с которой испытуемые справлялись, возможно, так же, как с ответом на экзамене, не вдохновляемые актуальностью своего сообщения. При этом в сознании у них было приблизительно одинаково понятие (тождественное) событие.

Выводы

Таким образом, полученные результаты, скорее, свидетельствуют в пользу упразднения языковой модели как средства объяснения происходящего в сознании и в семиотической процедуре. *Принципиальное разделение работы сознания и коммуникативного (семиотического) процесса* (последний может протекать без участия или – в данном случае – с участием слов) составляет важное условие корректной интерпретации естественных вербальных данных. Если *мыслительный процесс* реализуется без слов (и вообще без каких-либо атрибутов семиотического воздействия), то естественный *вербальный процесс* на стадии реализации сохраняет весьма косвенную связь с исходным когнитивным состоянием коммуниканта, как физическое открывание двери представляет собой уже лишь следствие обдумывания открывания двери, то есть нечто принципиально иное. Тем более, естественный когнитивный процесс не может строиться как вербальная последовательность (внешнее воздействие), подобно тому, как обдумывание открывания двери не может быть самим открыванием.

На фоне продемонстрированного в эксперименте отношения факта сознания к вербальным данным (то есть на фоне ясно наблюдаемого *различия знаковых процедур сознания и знаковых семиотических действий*), следует признать *независимость состояний индивидуального сознания от «языка»* («известных говорящим вербальных клише»), в том числе от так называемой «языковой картины мира», конструируемой исследователями на основе мнимо-автономных «языковых единиц, руководящих сознанием»; а также – признать значительно ослабленную связь между фактами индивидуального сознания и различными внешними детерминантами, если последние в процедуре исследования прямо ассоциированы с феноменами «языка», – культурной, национальной, этнической, социальной, профессиональной, конфессиональной: понимание того, как экспериментатор ударился локтем и отреагировал на возникшую боль, происходило независимо от какого-либо «языка», «языкового сознания», «какой-то-язычной» культуры, нации, социальной страты, религии и пр.

Литература

Вдовиченко А.В. О несамостоятельности языкового знака. Причины и следствия «лингвистического имяславия» // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 164-175.

Вдовиченко А.В. Проблема субъективности знания и естественный вербальный процесс // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2016а. Вып. 3 (48). С. 22-44.

Вдовиченко А.В. Расставание с «языком»: Критическая ретроспектива лингвистического знания. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. 510 с.

Вдовиченко А.В. Акциональное смыслообразование: что порождается и понимается в естественном коммуникативном процессе // Вопросы психолингвистики 3 (37) 2018. С. 112-125.

Вдовиченко А.В., Тарасов Е.Ф. Вербальные данные в составе коммуникативного действия: язык, текст, автор, интерпретатор // Вопросы психолингвистики. 2017. Вып. 4 (34). С. 22-39.

Журавлев И.В. Органы сознания и механизм объективации // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2 (12). С. 141-150.

Журавлев И.В. Философские проблемы современной психолингвистики и психологической теории деятельности // Язык и сознание: психолингвистические аспекты. Сборник статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. М.-Калуга: Издательство «Эйдос», 2009. С. 32-41.

Журавлев И.В., Журавлева Ю.В. К построению коммуникативной модели речевого процесса: методологические проблемы // Вопросы психолингвистики. 2017. №2. №3 (33). С. 48-61.

Журавлев И.В., Журавлева Ю.В. Слово и объект (возможна ли бессловесная мысль) // Вопросы психолингвистики. 2 (36). 2018. С. 42-57.

Степанова А.А. Решение задач общения при помощи речевых действий // Вопросы психолингвистики. 3 (33). 2017. С. 135-141.

Тарасов Е.Ф. Онтологические предпосылки теории речевого общения // Вопросы психолингвистики. 2 (32). 2017. С. 160-166.

ACTIVITY OF CONSCIOUSNESS AND COMMUNICATIVE ACTION:
A BRIEF EXPERIMENT

Andrey V. Vdovichenko

Leading Researcher

Sector of Theoretical Linguistics

Institute of Linguistics, RAS

1/1 B.Kislovsky per., Moscow, 125009

Professor

Faculty of Philology

Orthodox St Tikhon University for Humanities

23B Novokuznetskaya ul., Moscow, 115184

anlvdo@mail.ru

The article provides a description of the experiment (“Understanding actions without words”). Based on the data obtained, the relationship between the activity of consciousness and the semiotic (verbal) process is considered. Attempts to explain the actions of subjects with the recognition of the verbal basis of cognitive activity lead to contradictions and conceptual inconsistencies: we have to admit that the subjects do not understand what they directly observe; know various ‘Russian languages’; suspend the thinking process when they do not speak, and so forth. On the contrary, the fundamental separation of the work of consciousness and the communicative (semiotic) process is the only condition for the correct interpretation of natural verbal data. If the thinking process proceeds without words (without semiotic impact), then the natural verbal process in the implementation stage maintains a very indirect connection with the communicator’s original cognitive state, as the physical opening of the door is already a consequence of thinking about opening the door, that is something fundamentally different. Moreover, the natural cognitive process cannot be built as a verbal sequence, just as thinking about opening a door cannot be the opening itself.

Keywords: consciousness, cognition, natural verbal process, correlation of thought and word, experiment, verbal clichés, communicative model, semiotic act, cognitive state

References

Vdovichenko, A.V. (2016) O nesamotozhdestvennosti yazykovogo znaka. Prichiny i sledstviya «lingvisticheskogo imyaslaviya» [Non-self-identity of a linguistic sign. Causes and effects of the “linguistic onomatodoxy”] // Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]. № 6. S. 164-175. (in Russian).

Vdovichenko, A.V. (2016a) Problema subjektivnosti znaniya i estestvennyj verbalnyj process [The Problem of sign subjectivity and the natural verbal process] // Vestnik PSTGU. Seriya III: Filologiya [St. Tikhon’s University Review. Philology]. Vyp. 3 (48). S. 22-44. (in Russian).

Vdovichenko A.V. (2009) Rasstavanie s «yazy`kom»: Kriticheskaya retrospektiva lingvisticheskogo znaniya [Parting with “language”. Critical retrospective of the linguistic knowledge]. M.: Izd-vo PSTGU. 510 s. (in Russian).

Vdovichenko A.V. (2018) Akcionalnoe smysloobrazovanie: chto porozhdaetsya i ponimaetsya v estestvennom kommunikativnom processe [Actional sense production: what is generated and understood in the natural verbal process] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 3 (37). S. 112-125. (in Russian).

Vdovichenko A.V., Tarasov E.F. (2017) Verbalnyje dannyye v sostave kommunikativnogo dejstviya: yazyk, tekst, avtor, interpretator [Verbal data in the communicative action: language, text, author, interpretation] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics]. Vyp. 4 (34). S. 22-39. (in Russian).

Zhuravlev I.V. (2010) Organy soznaniya i mexanizm objektivacii [Instruments of consciousness and the mechanism of objectification] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics]. № 2 (12). S. 141-150. (in Russian).

Zhuravlev I.V. (2009) Filosofskie problemy sovremennoj psixolingvistiki i psixologicheskoy teorii deyatel'nosti [Philosophical problems of modern psycholinguistics and the psycholinguistic theory of activity] // *Yazyk i soznanie: psiholingvisticheskie aspekty. Sbornik statej* [Language and consciousness. Psycholinguistic aspects. Collected papers] / Pod red. N.V. Ufimcevoj, T.N. Ushakovej. M. – Kaluga: Izdatel'stvo «Ejdos», S. 32–41. (in Russian).

Zhuravlev I.V., Zhuravleva Yu.V. (2017) K postroeniyu kommunikativnoj modeli rechevogo processa: metodologicheskie problemy [Towards the constructing the communicative model of speech process: problems of methodology] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics]. №2. №3 (33). S. 48-61. (in Russian).

Zhuravlev I.V., Zhuravleva Yu.V. (2018) Slovo i objekt (vozmozhna li besslovesnaya mysl') [Word and object (Is a wordless thought possible?)] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 2 (36). S. 42-57. (in Russian)

Stepanova A.A. (2017) Reshenie zadach obshheniya pri pomoshhi rechevyh dejstvij [Solving the tasks of communication with the speech acts] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 3 (33). S. 135-141. (in Russian).

Tarasov E.F. (2017) Ontologicheskie predposylki teorii rechevogo obshheniya [Ontological premises of verbal communication] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics] 2 (32). S. 160-166. (in Russian).